

Если бы господин Тянь действительно заботился о детях, он бы не кормил их испорченной едой. Она повертела глазами, заигрывая.

— Он украл у меня вещи, господин Тянь, этот ребенок — вор. Мы только из уважения к вам не стали преследовать его за проступок.

— Она лжет! — Лун Чэньсы гневно уставился на нее.

Дети, выбежавшие из дома, хоть и стояли у двери неподвижно, внутри они были далеко не спокойны.

Какова будет реакция мужчины?

Воспользуешься ли ты этим редким шансом, чтобы избавиться от нас, этих «обузы», человек?

Сыту Тянь был очень зол, но сохранил достаточно хладнокровия, чтобы не действовать импульсивно.

Удерживая Лун Чэньсы, который продолжал извиваться, Сыту Тянь не изменился в лице, только его темные глаза стали более острыми.

— Что ребенок украл у тебя, я возьму. Но — ты должна извиниться перед ним, поклонись.

Женщина почувствовала себя неловко под его взглядом, хотя она была выше него.

— Ты... ты... хм... ты возместишь? Мне это не нужно! Сестры, пошли — больше ни зернышка от нас не получите!

— Люси!

— Подождите...

— Э? Как так получилось?

Через мгновение у двери осталась только семья Сыту Тяня из шести человек.

— Апчхи...

Лун Чэньсы все еще был в объятиях мужчины, гнев в его глазах не утихал, но на этот раз его обвинения были направлены на пятого, который «предал» его.

— Ты слишком много говоришь!

Не заметив, как мужчина почти прижался к его уху, шепча.

— Прости, дракончик.

Незнакомое место не может быть оправданием для моей слабости.

Небольшая сценка —

Четвертый: У-у-у, папа, братья, меня обижают!

Старший: Спокойно, я их подожгу.

Второй: Четвертый, спокойно, я соберу ребят и их поколотим.

Третий: Четвертый, спокойно, я выпущу на них волков.

Пятый: Лучше пусть папа приготовит еду.

После этого те, кто владеет Словом, всю жизнь будут думать, что их воображение шире, чем задница.

Сыту Тянь: ...

Мое позорное умение, можно не выставлять его напоказ?

Этот завтрак был очень обильным.

На тарелке каждого дракончика было не только пять кусков копченой курицы, но и все запасы сахарного сиропа, которые Сыту Тянь использовал, чтобы сделать кисло-сладкий джем из сухофруктов, которые принесла Си Цяо.

Вкус, конечно, был не таким, как у настоящих фруктов, но все же лучше, чем сухой хлеб с холодной водой.

Но мужчина в доме был необычайно молчалив.

С каменным лицом, словно отрезанный от всего вокруг, Сыту Тянь стоял у окна, самого дальнего от детей, его взгляд сквозь стекло устремился куда-то вдаль.

Он не должен был думать, что можно просто плыть по течению, нагрузка на его плечи была намного больше, чем он представлял.

Солнечный свет отбрасывал глубокие тени на его лицо, покрытое пылью, но все еще привлекательное. Сыту Тянь время от времени откусывал кусочек сухого хлеба, но жевал его только через долгое время...

Даже Лун Чэньсы, который обычно ел с аппетитом и был самым невнимательным в семье, не смог удержаться и отложил палочки, почувствовав низкое давление от отца.

Он поднял свою маленькую лапку и потрогал уже исчезнувший синяк, с трудом решив временно пожертвовать гордостью дракона, взял свою тарелку и подошел к мужчине, чтобы выведать информацию!

Да, именно выведать! Никак не потому, что он пожалел мужчину, который ел только это, а все мясо отдал нам!

Как тебе, способность дракона к самовосстановлению просто потрясающая, правда?

Лун Чэньсы в уме представлял, как все его противные братья стоят на коленях перед ним, плача и поклоняясь ему, его голос стал мягче и нежнее.

— Папа... э-э-э... это не будет... не будет ли наш последний завтрак?

Или мужчина наконец решил выбросить нас на свалку, чтобы мы сами выживали? Лун Чэньсы вздрогнул, в его сердце будто копошились маленькие панды, заставляя его чесать задницу.

Я такой хороший, как ты можешь быть таким слепым!

Сыту Тянь все еще молчал.

Пухлая лапка дракончика вдруг выхватила из рук мужчины черный обугленный хлеб, а затем, с неохотой, сунула ему кусок копченой курицы. Как же больно! Но...

— Ты хоть скажи что-нибудь! Что мы будем есть на обед?

При упоминании еды глаза Лун Чэньсы сразу же загорелись.

... Второй, который шел в этот момент, замер, палец на очках дрогнул.

Ты еще завтрак не доел, а уже думаешь об обеде?

Четвертый, видимо, я тебя еще не до конца знаю.

Сыту Тянь задумчиво посмотрел на кусок курицы, который выглядел не слишком аппетитно, он лишь слегка улыбнулся и положил мясо обратно на тарелку четвертого, заодно нежно взъерошил его голову дракона, выражение лица было довольно удовлетворенным.

— Спасибо, четвертый, папа не голоден. — Просто думал о том, что делать дальше, поэтому отвлекся.

— Если не голоден, хоть немного поешь. — Если ты упадешь, кто нас будет кормить?

Лун Чэньсы сердито оттолкнул руку мужчины, снова сунул мясо ему в руку и, не оглядываясь, побежал обратно.

Его пухлый животик трясся, изношенная одежда совсем не скрывала его толстые бока, он выглядел как круглый шарик с ножками, очень мило.

Мужчина фыркнул и с аппетитом съел кусок мяса.

Хорошо, что этот случай не оставил следа в сердце ребенка, он, как отец, был полным ничтожеством...

Никогда раньше он не чувствовал себя таким беспомощным.

Сыту Тянь просто размышлял о положении их семьи в деревне.

Его первоначальный план был покинуть это место через два дня, после тщательной подготовки, забрав детей, вернуть дом старосте и оставить немного еды в знак благодарности. Потому что у него больше ничего не было.

Но после разговора с Си Цяо Сыту Тянь уловил в ее гневе нотки беспокойства.

И она, безусловно, беспокоилась за нашу семью.

Си Цяо не раз советовала Сыту Тяню как можно скорее уехать с детьми из деревни, причем как можно дальше, дом старосты она могла вернуть сама, и даже предоставила карту короткого пути через снежные горы.

Не будучи местной, она лучше, чем кто-либо, знала, что в этой деревне не действуют никакие

законы, жители были настолько эгоистичны и нелогичны, что их способность судить о добре и зле часто шокировала ее.

— Когда вечером вернутся мужчины, будет поздно! Уезжайте скорее... сами неудачники, не тяните за собой невинных детей, подумайте хотя бы о них. Они такие маленькие!

— Я понял, спасибо. — Хотя он так и сказал.

Но — легко сказать, уехать! Как можно переходить снежные горы в тонкой одежде и легкой обуви?

Теперь настало время проверить, насколько сплочена наша семья!

— Дракончик, волчонок, позовите братьев, папе нужно с вами поговорить.

— Мяу? Хорошо, — с улыбкой ответил третий.

Ты же волк, чего ты мяукаешь?

— Зачем звать нас! — Четвертый с презрением отвернулся от мужчины, его капризное лицо было слишком забавным.

Поэтому он быстро получил щипок от второго, Сюн Мао сказал с серьезным видом.

— Хе-хе, дракончик — хороший мальчик, нельзя грубить папе.

— Не трогай меня, панда! — Лун Чэньсы быстро прикрыл задницу и, пошатываясь, побежал к единственному человеку в доме, который мог его защитить, обнял его ногу и не хотел отпускать.

Незаметно Лун Чэньсы вытеснил пятого с его удобного места для сна.

Слайт приоткрыл глаза и, поддавшись напору Лун Чэньсы, прижался к холодной стене.

Наверное, пора уезжать...

Пятеро детей слушали слова Сыту Тяня, каждый думал о своем.

Услышав, что они скоро «переезжают», самым радостным, конечно, был Лун Чэньсы, он уже не мог дождаться, чтобы покинуть это место, полное его позора! Он с удовольствием облизал тарелку, на которой остался сок от мяса.

Старший, Янь, всегда следовал за третьим, Сы Ланом, а инициативный Сюн Мао уже начал помогать мужчине собирать вещи, которые могут понадобиться в будущем, показывая своими действиями, что он думает.

Пятый продолжал спать у стены, как настоящий монах.

Сыту Тянь улыбнулся и погладил головы детей, начав свой план по шитью.